

ЛИАНА
АМАНИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СНЕЖНЫЙ ДЕКАБРЬ

18+

ЭТО СИБИРЬ, ДЕТКА!

Это Сибирь, детка!

Лиана Аманик
Снежный Декабрь

«Автор»

2026

Аманик Л.

Снежный Декабрь / Л. Аманик — «Автор», 2026 — (Это Сибирь, детка!)

В глухих сибирских лесах, где вековые кедры хранят молчание, а мороз целует кости и шепчет сказки путникам, живёт легенда, древняя, как сама земля. Говорят, что когда-то духи тайги наделили избранных людей силой медведя, вверив им баланс между миром людей и царством дикой природы. Но с годами кровь оборотней ослабевала, а истинная пара стала лишь сказкой у костра. Но среди Таёжных Хранителей ещё звучит пророчество: в ночь, когда луна взойдёт раньше срока, хранитель встретит деву, чьё сердце не знает страха. И только её выбор спасёт всех.***— Как тебя зовут? — спросила шёпотом, не замечая, что перешла на «ты». — Декабрь, — ответил мужчина низким, рокочущим голосом, разжигая печку. — А твои братья — одиннадцать месяцев? — нервно прыснула я и сама представилась, сильнее кутаясь в шерстяное одеяло. — А я Алёнка. — Я знаю, — ответил мужчина и повернул ко мне голову. Его глаза вспыхнули знакомым янтарём, заставляя меня замереть.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лиана Аманик

Снежный Декабрь

— Как тебя зовут? — спросила шёпотом, не замечая, что перешла на «ты».

— Декабрь, — ответил мужчина низким, рокочущим голосом, разжигая печку.

— А твои братья — одиннадцать месяцев? — нервно прыснула я и сама представилась, сильнее кутаясь в шерстяное одеяло. — А я Алёнка.

— Я знаю, — ответил мужчина и повернул ко мне голову.

Его глаза вспыхнули знакомым янтарём, заставляя меня замереть.

В глухих сибирских лесах, где вековые кедры хранят молчание, а мороз целует кости и шепчет сказки путникам, живёт легенда, древняя, как сама земля. Говорят, что когда-то духи тайги наделили избранных людей силой медведя, вверив им баланс между миром людей и царством дикой природы. Но с годами кровь оборотней ослабевала, а истинная пара стала лишь сказкой у костра.

Но среди Таёжных Хранителей ещё звучит пророчество: в ночь, когда луна взойдёт раньше срока, хранитель встретит деву, чьё сердце не знает страха. И только её выбор спасёт всех.

Глава 1

— Привет, малыш, ты где? Уже добралась? — голос Антона разрывает тишину салона, но звучит всё равно с характерным прерыванием, показывающим, что связи здесь отродясь не было!

Дедушка... Когда уезжал в эти места в последние годы, я не могла дозвониться до него по месяцу!

Дедушка... От мысли о родном человеке, которого уже нет со мной, сердце болезненно сжимается, но я быстро вспоминаю, что кто-то ждёт моего ответа, и отгоняю от себя печаль. Чуть позже, когда снова останусь один на один со своими мыслями — как и последние сутки.

— Привет, — отвечаю нервно. — Нет! И не знаю, когда доеду. Здесь снег начался. Хотя вроде только середина дня, и прогноз на сегодня был хороший.

— Так, ну ты же помнишь, что я жду тебя на Новый год? Ты обещала, что выполнишь все мои желания! — давит голосом, переводя тему на совершенно неуместное сейчас, а я снова содрогаюсь.

— До Нового года ещё неделя, Антон! — отвечаю и не могу сдержать раздражение. — А это — последняя воля дедушки!

— Твоего деда уже нет, а ты есть! Так что лучше бы не по лесам шарах... — но договорить он не успевает: связь обрывается, больно ударяя по ушам противным пищащим звуком.

И я бы выразилась сейчас совсем неприлично, но моя благодарность перевешивает боль.

— Ну и как мне от него избавиться? Вот вроде же нормально всё было? — бубню сама себе.

Антон был просто другом довольно долго. Но моему дедушке он не нравился. Он всегда говорил, что Антон — гнилой человек: «Воняет от него!»

Я каждый раз удивлялась и даже обижалась на такие слова родного человека. Он у меня и правда один остался. Столько лет прожили вместе, и дедушка всегда был моей опорой, защитой, оберегом!

Но когда месяц назад его не стало, я будто потеряла половину себя! И Антон появился рядом, будто так и нужно было. Он помог всё организовать. Поддерживал, когда я думала, что не встану с кровати.

Он добрый, внимательный, а в последний год ещё и красивее стал! Начал ходить в спортзал, насколько я поняла, — потому что где ещё можно нарастить такие мышцы, как у него сейчас! Более развязный стал, смелый, даже отбитый. Хотя никогда не был задирой.

А в последний месяц он негласно объявил нас парой перед всеми знакомыми. И вот сейчас я пытаюсь понять, почему я даже не сопротивлялась ему? Почему не послала или не опровергла?

И, кстати! Если бы не Антон, я бы уже давно съездила в это богом забытое село и передала дедушкины записи какой-то бабе Марфе, что живёт в третьем доме на крайней улице под номером тринадцать.

Вот вроде и бред, но я обещала!

А Антон, начиная с того самого момента, как я ему это рассказала, убеждал меня, что это всё идиотизм и что дедушка мой на старости лет просто немного перестал дружить с головой.

Это была наша первая ссора с ним с момента, как мы начали дружить ещё на первом курсе. Но на следующий день он пришёл ко мне с цветами и извинениями.

Я приняла их, но осадочек, как говорится, остался.

Но когда прошло девять дней с момента смерти бабушки, он начал сниться мне каждую ночь, повторяя слова, которые шептал перед смертью, крепко сжимая мою руку и смотря в глаза так ясно, что я ещё никогда не видела такой осмысленности ни в одном человеке:

— Медвежья кровь... Она спасёт... Там безопасно! Отвези всё Марфе. Она знает... Она поможет. И запомни: там твой настоящий дом!

И каждый раз за бабушкой появляется фигура чёрного медведя, из глаз которого вырывается настоящий огонь!

— Фу! — выкрикиваю я, и меня передёргивает так, будто я снова во сне смотрю на этого монстра.

Замечаю, что снег становится только сильнее, так что мне нужно держать скорость, чтобы ни в коем случае не встать. По карте ехать ещё часа два.

И я, снова тихо матерясь на то, что так и не нашла никаких упоминаний этой деревушки, пытаюсь всмотреться в метель, чтобы никого не сбить. А деревушка-то эта когда-то была, но закончилась. И со всех карт её убрали. Но так же не бывает? Люди там ещё живут, а с карт уже убрали!

Но тут дорога резко превращается в несущийся на меня стеной белый ураган! Это всего два удара сердца. Всего один взмах ресниц. Всего лишь миг!

И перед моей машиной мелькает огромная тёмная туша, которая просто сносит эту белую стену оживших снежинок, разрывая округу диким рёвом животного!

Машину дёргает от резкого удара потоком воздуха, который будто заскочил между вековых кедров на огонёк! Руль вырывается из рук, а в следующее мгновение меня выбрасывает с дороги в кювет.

Удар приходится такой силы, что я теряю сознание. Но перед тем, как полностью провалиться в тьму, я замечаю перед машиной огромную медвежью морду с янтарными глазами.

Глава 2

Я чую её страх ещё до того, как вижу машину. Запах тревоги, смешанный с металлом и горячим маслом, режет ноздри. Снежная пелена скрывает очертания, но слух не подводит: визг тормозов, скрежет металла, глухой удар.

Рёв зверя разрывает лес на части, и снег — эта тварь, что уже несколько лет тревожит мою территорию, — притихает, растворяясь вместе со стихией.

Я чую его. Чую всем своим звериным нутром. Как говорит дядька, мне досталось больше всех от хранителей, так как родители мои ещё были истинными. Последние. Как мамонты, мать его!

«Хранитель...» — благоговейный шёпот тайги разносится вокруг, и всё резко стихает, будто давая мне полностью осознать, что только что произошло.

Оборачиваюсь в сторону серебристой машины, что торчит носом вниз в сугробе. Сердце пропускает удар. Зверь снова издаёт рёв и срывается в её сторону. Шерсть встаёт дыбом от запаха её крови. Мышцы наливаются силой. Снег летит из-под лап, а сердце работает довольно странно.

Замираю возле машины, заглядывая в лобовое стекло. Она без сознания, но жива. Чувствую биение сердца — частое, неровное.

Оборачиваюсь в одно мгновение. Холод сразу касается голой кожи, но не жалит. Он будто второй дом для зверя. Ласковое одеяло. Но это для меня. А вот девушка...

Подхожу к двери и пытаюсь открыть, но её заклинило: стекло треснуло паутиной. Одним движением срываю дверцу — металл стонет, поддаваясь моей силе.

Беру её на руки. Лёгкая, как пушинка, но тело напряжено даже во сне. Лицо в ссадинах, волосы перепутаны с осколками. Запах крови слабый, но есть — я замечаю царапину на виске.

Смотрю в её лицо и чувствую, как зверь в груди начинает реветь довольно. Да ладно! Не может быть!

С другой стороны лесополосы стоит мой внедорожник. До дома не донесу её — слишком холодно становится вокруг. Для меня нормально, а для неё...

Заглядываю в машину и замечаю сумку на заднем сиденье. Выхватываю её и, поудобнее подняв девушку, несу через лес. Ветер снова начинает завывать, снег слепит, но я знаю дорогу. Моя территория. Это мой дом. Пускай я уже много лет и живу в городе, но только здесь могу быть собой.

Очередной порыв ветра приносит запах ненависти и злобы — будто кто-то раздавил целое гнездо протухших яиц. Останавливаюсь, прижимаю девушку к себе покрепче, будто это самая драгоценная ноша, и осматриваюсь.

Я чувствую на себе взгляд. Жалящий холодом. Нет, не тем, в котором я родился. А холодом, что убивает всё живое. Тьмой и тёмной силой, которая с каждым годом всё сильнее накрывает землю.

Девушка в руках застонала и сама прильнула к груди, будто ища защиту. Зверь замер, вдыхая её запах и млея.

Нужно идти! Отпускаю себе мысленно подзатыльник и срываюсь почти на бег, огибая ветки и кустарники. Мне они не страшны, а вот девушку ранят.

Открываю заднюю дверь машины и аккуратно укладываю свою ношу на сиденье. Тут же лежало шерстяное одеяло. Им я заматываю ноги девушки, но, стоит поднять взгляд к её глазам, как натываюсь на завораживающие глаза изумрудного цвета.

Она смотрит так, будто проникает в самую душу. Пытаюсь понять, что она чувствует, но не чую ничего, кроме любопытства.

— Тихо. Ты в безопасности, — мой голос звучит глухо, непривычно человечески после звериного рыка.

А девушка только слабо дёргает губами в полуулыбке и тихо отвечает:

— Красивый.

И её глаза снова закрываются. А я стою пришибленный, будто меня сосной накрыло.

Она не испугалась. Даже малейшей паники не мелькнуло в мыслях. А ведь я уже знаю, как пахнет её страх. Я его чувял, когда на неё понеслась эта тварь со снежной стеной.

Но сейчас... Она смотрела на меня... А вокруг разливался запах весенней тайги и солнца, что прогревает землю после долгой стужи! Быстро обвожу себя взглядом и довольно хмыкаю. Голь и красивый. Ну, спорить не буду. Самодовольно хмыкнув, закрываю дверь и, быстро открыв багажник, достаю запасные широкие штаны и толстовку.

Одеваюсь быстро и снова замираю, прислушиваясь к лесу. Тайга волнуется. Даже зверьё притихло, и это не из-за того, что я пожаловал. Между деревьев витает страх. И теперь я понимаю, о чём мне говорил дядька, когда звонил неделю назад.

Но только что теперь мне делать со всем этим? Да ещё и девушка... Она не испугалась. Она смотрела открыто. Неужели время пришло и я встретил ЕЁ?

Глава 3

Я приоткрыла глаза, шурясь от мягкого рассеянного света. Сперва даже не поняла, где нахожусь; только обрывки картинок, что начали мелькать в голове, заставили зажмуриться от неприятной тупой боли. Но тёплое, почти обжигающее ощущение под спиной сменилось приятным покоем, а вместо ледяного ветра — ровный, насыщенный хвоей воздух.

Я приподнялась на локте. «Боже, это что за кровать такая? Кто на ней спит? Великан?»

Кровать оказалась широкая, с высоким изголовьем из тёмного дерева, покрытая пушистым пледом, в который так и захотелось по-детски запустить пальцы. Стены сложены из массивных брёвен, но не грубых, а аккуратно обработанных, с едва заметной резьбой по углам.

В углу стоит интересный письменный стол с резными ножками в виде ног какого-то животного, а рядом тянется тёмный шкаф с резными дверцами. И вот вроде всё какое-то странное, но чувствуется, что чисто мужское.

В комнате пахнет деревом, воском и чем-то травяным, будто кто-то недавно заваривал душистый травяной чай, так похожий на тот, что привозил дедушка.

«Дедушка! Авария!»

— Мамочки! — прошептала я, и в голове тут же понеслись ещё обрывки воспоминаний: метель, скрежет металла, огромный зверь, чьи глаза светились янтарём...

Я резко села, оглядываясь. Рядом на тумбочке заметила железную кружку с большой широкой ручкой, над которой ещё вился лёгкий пар. А у стены в глубоком кресле лежит чистая одежда: тёплая фланелевая рубашка и шерстяные носки.

Сдёргиваю с себя шерстяное одеяло, которое ощущается грубым, но не колется.

— Фух, одета, — выдыхаю облегчённо и осторожно встаю.

Ноги слегка дрожали, но я держалась. Сделала несколько шагов к двери, потянула за резную ручку, и та подалась с тихим скрипом.

Прислушалась к себе и всё же схватила с собой рубашку. Я в одном тоненьком свитере. Может, мне придётся сейчас удирать. И кто-то же меня сюда принёс... Но стоит мне выйти в просторный коридор, как я утыкаюсь взглядом в настоящий, большущий камин!

Не просто печь, а настоящий каменный очаг, в котором уютно потрескивают дрова, отбрасывая янтарные блики на деревянные стены. Над камином — широкая полка с резными фигурками зверей, а рядом — большой диван, укрытый шкурой, похожей на медвежью.

Но больше всего удивило то, насколько гармонично здесь сочетается старое и новое: вдоль стены — массивный деревянный стол, а на нём — современный ноутбук. Значит, здесь не древний народ живёт из сказок дедушки, а вполне себе современный человек (или люди). Но вот на полках, что раскинулись с другой стороны, выстроены ровными рядами старинные книги в кожаных переплётах и стеклянные банки с сушёными травами. В углу комнаты, у окна, — кованая лампа, рядом с которой стоит стильный торшер.

— И кто здесь живёт? Ведьма или какой-то маньяк? — спрашиваю тихо у самой себя. Но самое удивительное, что я не боюсь.

Вот вообще ни грамма страха. Мой инстинкт самосохранения куда-то спрятался? Или я разбилась вместе с моей машиной?

Взгляд медленно скользит в другую сторону комнаты, и я замечаю кухонную зону — если это можно так назвать. Печка дровяная, много шкафов висит над рабочей зоной, а на высоком стуле в самом углу стоит моя сумка, что была на заднем сиденье.

Я успеваю сделать только шаг в сторону сумки, обрадовавшись, как дверь в дом резко открывается, а на пороге застывает ОН.

Высокий, широкоплечий, в тёмно-серой толстовке и простой серой футболке, широких тёмных штанах и валенках. Он выглядел... странно и одновременно обычно.

Ну если не считать, что за его спиной видна улица, где почти стемнело и идёт снег. Он смотрит пристально, будто пытается прочесть мои мысли, а я чувствую, что начинаю краснеть. А ещё у меня странное ощущение, что я уже видела эти глаза.

— Ты проснулась, — его голос низкий, бархатный, но не угрожающий, а скорее осторожный.

По телу пробегает странная, волнующая дрожь, заставляя моё дыхание в один момент сбиться.

И мне даже кажется, что я замечаю, как мужчина шумно вдыхает воздух, а потом быстро входит и закрывает за собой дверь. Хотя, может, и правда кажется. «О боже, Алёна. Нужно для начала поздороваться!»

— Здравствуйте, — стараюсь выровнять дыхание, но понимаю, что сердце странным образом пустилось вскачь, не давая мне даже нормально говорить. — Где я?

Он не спешит отвечать. Медленно подошёл к камину, подбросил пару поленьев, и пламя вспыхнуло ярче, озарив его лицо. Довольно суровое: густые брови, глубоко посаженные глаза, резные, достаточно грубые скулы, ровная линия рта, а ещё еле заметный шрам на щеке, который убегает на шею.

— В моём доме, — наконец произнёс он, разворачиваясь ко мне и стаскивая с себя толстовку. — Ты попала в аварию. Я нашёл тебя.

— Ага, — заторможено киваю я и не могу оторвать взгляд от размера его плеч.

Это вообще откуда такое в этой глуши? Руки, как будто кто-то лепил их из мышц, стягивая в нужных местах, а сверху укрывал витиеватой сеточкой вен. Массивная шея, широкая грудь, что сейчас мерно поднимается под глубокими вдохами мужчины. И всё это переходит в узкую талию.

Здесь же сёла, которых нет на картах. И среди этого всего водятся такие мужики?

Точно! Мне же нужно к бабе Марфе.

— Скажите, а где моя машина? Мне очень нужно попасть в одно селение. Усть-Таёжный называется. Мы далеко от него? — стараюсь говорить ровно и перестать так нагло пялиться на мужчину.

Поднимаю взгляд к его лицу и замечаю на губах лёгкую улыбку. Глаза немного сощурены, а я снова краснею.

Он будто читает мои мысли, и мне становится стыдно. Сжимаю руки в кулаки, чтобы не закрыть лицо ладонями, но тут этот красивый нахал складывает руки на груди, а я плотнее сжимаю губы.

Да ладно! Ну нельзя же так!

— Машина твоя осталась в сугробе, — отвечает всё тем же низким голосом, но к нему добавляется ещё какое-то странное тепло.

Разве голос может быть... тёплым?

— А как же...

— Я привёз тебя на своей, — не даёт мне снова спросить, сразу же отвечает мужчина. — А в Усть-Таёжный тебе зачем?

— Мне нужна... — начинаю говорить, но резко замолкаю.

С улицы доносится странный, я бы даже сказала, пугающий вой. Или, может, это рёв, но у меня по коже пробегает неприятный озноб, а в сознание будто специально подбрасывает мне ужасные картинки из моих снов: чёрного медведя с огненным взглядом.

Обхватываю себя руками, пытаюсь унять дрожь.

— Тебе нужно отдохнуть и поесть, — уже другим тоном говорит мужчина. Напряжённым, рокочущим. — Накинь рубашку или вернись в комнату за одеялом и приходи. Я накормлю тебя. Дом ещё не прогрелся, может быть свежо. Не хочу, чтобы ты заболела.

И он уходит в сторону кухни, а я бросаю взгляд в сторону входной двери. Воображение рисует картинку: сейчас она может просто слететь с петель, и в неё ворвётся то самое, что издавало этот леденящий душу вой. Но страх пересиливает странная уверенность, что здесь безопасно. Здесь я под защитой.

Глава 4

Я прошёл на кухню, стараясь не смотреть вслед девушке. Её запах — тонкий, с лёгкой ноткой паники и любопытства — всё ещё витал в воздухе, будоража зверя внутри.

«Спокойно, — мысленно одёрнул себя. — Она только пришла в себя. Ей нужно время».

Открыл плетёную корзинку у печки, захватил охапку сушёных сосновых иголок и засунул внутрь. Сверху привычным движением наложил дров и поднёс спичку.

Иголки загорелись моментально, окутывая жёлтым пламенем дрова, сразу же обдавая теплом всё вокруг.

Давно я не был в этом доме. Греть его придётся всю ночь. И я бы забил на всё — мне всё равно, какая температура будет. Согреть себя нет никакой проблемы, если бы не... Алёна.

Да, я наглая морда и исследовал её сумку, заодно заглянув в паспорт.

Зверь внутри довольно замурлыкал, как котяра, смакуя имя девушки. Оно и правда... вкусное. А глаза... Я стоял, смотрел, как она медленно обводит меня ими, и мог с точностью до миллиметра показать путь их следования по моему телу.

Я бы и дальше дразнил этого любопытного зверька, если бы не та тьма, что взвыла на окраине леса. Сюда она не двинется, но я чувствую: в лесу ночью будет жарко. И Алёна тоже вздрогнула, напряглась, но не отступила.

Отодвинул железные кольца конфорки, поставил кастрюлю с водой. Механические действия всегда помогали собраться с мыслями. Но сегодня даже привычный ритуал не успокаивал.

В голове крутились обрывки воспоминаний: как нашёл её в искорёженной машине, как нёс через лес, чувствуя, как бьётся её сердце — часто, неровно. Как впервые за долгие годы ощутил странное тепло, не связанное с превращением.

И её тихое:

— Красивый.

Я ведь столько лет прожил среди людей. И не такое слышал. А учитывая современный мир, так даже предложений было вагон и тележка — только дверь пошире открывай. И только поездки сюда, в дом, который когда-то отремонтировал для себя, помогали восстановить равновесие внутри.

Но почему же слова Алёны так взбудоражили?

Медведь саркастически фыркнул внутри. Вот стоял бы рядом, он бы мне ещё и подзатыльник отвесил, как несмышлёнышу. Но слышать байки у костра раз в год, сидя рядом с остатками хранителей наших лесов, которых с каждым годом становится всё меньше, — это одно. А вот ощутить рядом ту, что заставляет даже самый тёмный день стать светлее, — совершенно другое!

Из коридора донёсся тихий шорох. Я обернулся и наткнулся на изумрудный взгляд Алёны, застывшей в дверях. Она куталась в одеяло и даже носки надела — те, что я оставил. Взгляд немного настороженный, но в нём читались благодарность и улыбка.

— Спасибо, — тихо выдохнула Алёна, будто тёплым весенним ветерком коснулась кожи.

Медведь довольно зарокотал в груди. Вот же морда мохнатая! Он уже ковриком готов стелиться.

— Пахнет вкусно, — добавила она и подошла ближе, заглядывая мне через плечо.

— Овсянка, — пожал плечами, стараясь выглядеть буднично. — Не самое изысканное блюдо, но сытное.

Она кивнула и отошла к стулу, на котором я оставил её сумку. Положила на неё руку и постояла так несколько секунд, а потом подошла к столу и села за него, поджимая ноги под себя и укутываясь поильнее в одеяло.

Алёна замолчала, будто погружаясь в свои мысли, а я начал прокручивать в голове всё, что она спросила.

Каша приготовилась быстро. Я достал масло, мёд, орехи и сухофрукты. Всё поставил на стол, разлил кашу по тарелкам, поставил одну перед Алёной, вторую взял себе и сел напротив.

— Спасибо, — тихо ответила Алёна, обводя стол взглядом. И всё вокруг слишком неожиданно наполнилось тоской и болью.

Зверь внутри заскулил от таких неожиданных эмоций, заставляя и меня напрячься.

— Что-то не так? — спросил, заглядывая в глаза Алёне.

— Всё так, — ответила она, но в голосе проскользнула боль. — Просто всё это напомнило мне о дедушке. Он тоже любил так есть кашу. Говорил, что это самая лучшая еда.

Невероятным усилием воли заставил себя усидеть на месте, чтобы не подхватить Алёну на руки и не начать утешать.

«Она просто человек, Кирилл! Не забывай!»

Ещё одна грустная улыбка коснулась её розовых губ. Алёна, добавив мёд и орехи, начала есть.

Поели мы в полной тишине, и только потрескивание огня в камине и печке разбавляло эту тишину. Но если моя человеческая часть впервые за много лет жизни наслаждалась всем, что происходит, то медведь не мог усидеть на месте.

Его будто что-то звало. Хотя до полнолуния ещё несколько дней.

Наши миски опустели почти одновременно. Я молча поднялся, забирая и Алёнкину. Быстро помыл тарелки, всё время чувствуя на себе её взгляд.

Сказать, что внутри начала разливаться весна, — ничего не сказать! И снова зверя будто что-то подстёгивало к обороту.

«Ты чего? Совсем перестал себя контролировать, что ли?» — попытался я образумить зверя, но тут услышал тихий голос Алёны:

— Как тебя зовут?

— Декабрь, — ответил я и присел подкинуть поленья в печку.

— А твои братья — одиннадцать месяцев? — нервно прыснула Алёна, и я улыбнулся её сравнению.

— А я Алёнка, — добавила она сквозь улыбку.

— Я знаю, — ответил я и повернул к ней голову, всё так же сидя у печки.

Алёна замерла от моего взгляда, будто пытаясь что-то разглядеть.

— Твои глаза... — начала говорить она, а я понял, что зверь подобрался слишком близко, проявляя себя.

Нужно что-то сказать, но сердце пропускает удар, когда я перевожу взгляд ей за плечо, замечая, как за окном, над лесом, поднимается луна.

— Рано же, — нервно говорю я и становлюсь во весь рост.

Вот почему зверь внутри бушует!

— Алёна... — разворачиваюсь к застывшей девушке, но громкий стук в дверь заставляет напрячься.

— Ты маньяк? — тихо спрашивает Алёна, но я не слышу страха вокруг. А вот запах, что доносится из-за двери, нервирует.

Его я точно не ждал!

Глава 5

Я замер, прислушиваясь. Стук повторился — на этот раз громче, настойчивее. Алёна вздрогнула, инстинктивно подтянула одеяло к подбородку и поднялась из-за стола.

Посмотрел на неё, быстро подошёл, взял за руку и повёл в комнату. На удивление, Алёна сразу пошла за мной, даже не сопротивляясь.

— Сиди тихо, — бросил я, заводя её в спальню и направляясь к двери.

Перед тем как распахнуть её, глубоко вдохнул, ещё раз убеждаясь в том, что мой гость за дверь один. Знакомый терпкий аромат хвои и железа. Дядя.

Распахнул дверь и уставился на стоящего на пороге Григория. Его седые волосы припорошило снегом, а в глазах плясали отблески луны.

Луны, которая сегодня взошла раньше срока! А такого не было...

— Ну и видок у тебя, — хмыкнул он, переступая через порог и отодвигая меня внутрь. — Будто медведя за хвост поймал и не знаешь, что с ним делать.

Я сдержал улыбку, но протянул руку, обхватил его выше кисти и притянул к себе, соприкасаясь плечами. Дядя всегда умел разрядить обстановку парой фраз, даже когда воздух вокруг буквально звенел от напряжения.

— Ты зачем пришёл?.. — начал я, но он лишь махнул рукой.

— Чувствуешь? — Он втянул воздух и нахмурился. — Тьма сгущается. Уже не просто бродит по окраинам — подбирается ближе. И знаешь, что самое забавное? — Он покосился в сторону комнаты, где сидела Алёна. — Она её тоже чувствует. Даже не понимая этого.

Я невольно сжал кулаки и молниеносно сделал шаг в сторону Григория, становясь так, чтобы он не прошёл дальше. Знаю я способность дяди вываливать всё на голову, не разобравшись.

— Она ничего не знает, — начал я и почувствовал, как зверь подступает слишком близко. — И не должна. По крайней мере, не сейчас.

— О-о-о, — протянул дядя, снимая тяжёлую куртку. — Романтика, значит? «Я таинственный незнакомец, а она — невинная душа, попавшая в мой мир»? Не сказал ей ничего ещё?

— Не смешно, — буркнул я.

Да и как я должен рассказать девушке, что чувствую её? Что не маньяк я вовсе, а обычный медведь!

Но Григорий лишь рассмеялся, прошёл вглубь дома и сразу же приступил к заглядыванию в кастрюли.

— Да ладно тебе, племянник. Я же чую тебя. И что с твоим зверем происходит, тоже чувствую. И ты чувствуешь, — он ткнул в меня пальцем, — что она — последний кусочек пазла, который ты всю жизнь искал.

— Перестань, — резко оборвал его я. — Это не то, что ты думаешь. Да и сам прекрасно знаешь, что не осталось в нашем мире уже такой магии.

На сердце становится тяжело, а зверь зло фыркает и начинает бить лапой. Ненавидит мой медведь враньё!

— Конечно, конечно, — дядя поднял руки в примиряющем жесте. — Ты просто спас девушку, привёз в свой дом, кормишь овсянкой и теперь готов рвать глотку любому, кто приблизится к ней. Чисто по-дружески, да?

Я промолчал. Дядя знал, как поддеть. И я уже собрался вступить в новую перепалку, как из комнаты донёсся осторожный голос Алёны:

— Всё в порядке?

— В полном! — бодро откликнулся дядя, прежде чем я успел что-то сказать. — Выходи, красавица, знакомиться будем. У нас тут семейный разговор. Ничего особенного.

Алёна выглянула из-за угла, настороженно глядя на дядю. А тот вдохнул её запах слишком шумно и довольно хмыкнул, кивая в сторону Алёны.

И да, я снова почувствовал, что страха в ней нет. Только любопытство, приправленное волнением.

— Это... твой родственник? — спросила она, сильнее укутываясь в одеяло. — Январь? Или, может, Февраль?

Мы замерли с дядей, смотря в широко распахнутые глаза Алёны, а потом просто не выдержали её открытости и захохотали.

— Можно и так сказать, — дядя, не переставая улыбаться, подошёл к Алёне, но не дотронулся. — Я Григорий. А вы, должно быть, Алёна?

Она кивнула, но взгляд её метнулся ко мне, словно искала подтверждения.

— Он не кусается, — хохотнул я. — По крайней мере, не в человеческом облике.

— Остроумно, — хмыкнул дядя, а потом подмигнул Алёне. — Хотя, если честно, сейчас не до шуток. — Он снова стал серьёзным, и воздух резко изменился вокруг. — Кирилл, ты ведь понимаешь, что это не просто случайность? Её появление здесь, в этом месте, именно сейчас...

Я знал, что он прав. Но признавать это вслух не хотел. Не перед Алёной.

— Разберёмся, — коротко ответил я, почувствовав, как Алёна напряглась и сделала маленький шаг ко мне.

Нет, он был неосознанный, но мой наглый зверюга под кожей чуть лужицей не растёкся от осознания, что Алёна неосознанно ищет защиту в нас!

— «Разберёмся», — передразнил дядя. — Ты всегда так говоришь, а потом бежишь спасать мир в одиночку.

От этих слов вздрогнул не только я, но сразу же нашёлся:

— Я не один!

— Ты спасатель? — спросила Алёна тихо, но вопрос прозвучал со страхом.

— Строитель он, — снова влез дядя, за что получил мой неодобряющий взгляд.

— Архитектор, если уж быть точным! — буркнул я и перевёл взгляд на Алёну.

Она не понимает, о чём мы говорим, но чувствует напряжение. А я заметил, как её пальцы нервно теребят край одеяла.

Мы замерли, смотря друг на друга.

Наши хранители рассказывают много историй о том, как когда-то, во времена князей, наш народ мог спокойно найти свою истинную и создать семью. Как мы были счастливы, живя в единении с лесом и природой, оберегая её тайны, так же как и духи тайги оберегали нас.

Но потом всё начало меняться...

— Ладно, — вздохнул дядя, будто влезая в мои мысли. — Давайте для начала выпьем чаю. А потом уже решим, как не дать тьме испортить нам вечер.

Он направился к кухне, насвистывая какую-то мелодию, а я остался стоять, глядя ему вслед.

«Он знает больше, чем говорит», — пронеслось в голове. Но и я не готов раскрывать все карты. Особенно теперь.

Алёна тихо подошла ко мне, встала рядом, почти касаясь плеча, и прошептала:

— Он... странный, но интересный.

— Он всегда такой, — улыбнулся я. — Не обращай внимания.

Она кивнула, хотя в её глазах всё ещё читалось недоверие.

А за окном луна поднималась выше, заставляя зверя внутри нервничать. Тьма и правда мелькает за окнами, прохаживаясь вдоль деревьев, будто приглашая сразиться, заранее зная, кто победит.

Но нет. Не сейчас!

— Ну что вы там замерли, голубки? — позвал дядя, выходя из кухни уже с чайником травяного чая. — Давайте рассказывайте, как встретились. И да, чуть не забыл, — он хлопнул себя по лбу и полез во внутренний карман рубашки. — Марфа велела передать тебе, Алёнушка, если первым встречу.

И Алёне в руку приземлился амулет в виде медвежьего клыка. По коже пробежала дрожь, а сердце забилося в тревоге.

Глава 6

Я смотрела на этот медвежий клык в своей ладони и чувствовала, как по спине пробегает мороз. Нет, не от холода — от странного, почти электрического покалывания, которое растекалось от пальцев вверх по руке.

«Ну конечно, — мысленно фыркнула я, — только амулетов из звериных зубов мне и не хватало для полного счастья. Может, ещё ритуальный танец вокруг печки устроим? Дедушка тоже это всё проходил?»

И тут меня накрывает осознание того, что это же не сон! Я нахожусь где-то в глухом лесу с двумя мужчинами, которые явно меня ждали, а я даже представить не могу, что от меня требуется!

Дедушка меня попросил доставить его записи Марфе. И о чудо — здесь есть Марфа, которая передаёт мне... что это?

Смотрю по очереди на мужчин и понимаю, что мне вот вообще не нравится то, что происходит! Делаю шаг назад, и мой мозг начинает анализировать всё, что происходит. Это же ненормально — чувствовать себя в безопасности... А почему я себя так чувствую?

Декабрь, то есть Кирилл, тоже напрягается. Почему-то именно на его лице я замечаю, как он меняется в одну секунду. Открытый взгляд становится хмурым, напряжённым, внимательно пробегается по мне глазами, а я... Может, в обморок упасть?

— Вот что происходит, когда девушка начинает думать и не выпивает перед этим чаю, — совершенно расслабленно говорит дядя Кирилла и ставит железные кружки на стол.

Удар металла о деревянный стол слишком сильно бьёт по ушам в тишине дома, и я вздрагиваю.

— Что-то мне подсказывает, — хрипло отвечаю я, пытаюсь улыбнуться и силой воли удерживая себя на месте, чтобы точно не побежать отсюда, — чай здесь не поможет.

— Хах! — довольно хмыкает Григорий. — Тебе сейчас можно только чай. Боюсь, нашу выпивку ты не выдержишь, Алёнушка.

Так, Алёна, выдыхай и быстро вспоминай, что дедушка рассказывал об этих местах! Да ничего он не рассказывал. Только много писал, много думал и всегда твердил, что здесь я буду в безопасности!

Ладонь, в которой я, оказывается, со всей силы сжала медвежий клык, снова закололо странным теплом, и я подняла взгляд на Кирилла.

В его глазах мелькнули янтарные искры, завораживая, а я опять вспомнила лицо медведя, который смотрел на меня сквозь лобовое стекло моей машины.

Та-а-ак, я потом подумую обо всём! Не стоит нервничать. Раз меня ещё не съели, не опоили, не изнасиловали, значит, они нормальные. Нормальные же?

— И что это значит? — спросила я, показывая глазами на клык в руке, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. А вот Кирилл с Григорием одновременно даже выдохнули и довольно хмыкнули. — Это типа пропуск в тайное общество любителей овсянки?

Григорий хохотнул, а Кирилл улыбнулся — видно, оценили мой юмор. Ну хоть кто-то! Но вот его слишком быстрый, даже молниеносный шаг ко мне заставил напрячься, а он поднял руку и аккуратно заправил выбившуюся прядь волос за ухо.

— Это знак, — ответил Григорий, вырывая меня из оцепенения, усаживаясь за стол и с явным удовольствием оглядывая кухонную утварь. — Знак того, что ты... скажем так, не случайный гость в этих местах. Ну вы садитесь, потом помилуетесь, — кивнул он на стулья, что стоят рядом.

Почему-то мне стало неловко. Ну да, я, может, и могу за себя постоять — иногда. Но вот никого к себе так и не смогла подпустить. Да и Антон... Он единственный парень, который был всегда рядом. Но не тот, кому я готова была бы себя отдать.

Ой, фу! По телу пробежала противная дрожь, а я снова обратила внимание, как Кирилл напрягся рядом, сжимая одну руку с такой силой, что костяшки побелели.

Григорий снова как-то странно хмыкнул, будто в доме идёт какой-то немой диалог, а я всё не могу его услышать.

Так, Алёна, разговор сейчас о другом:

— То есть теперь я обязана вступить в клуб «Друзья тайги и их загадочных родственников»? А форма членства — одеяло и шерстяные носки? — киваю на себя, стараясь сохранить хотя бы немного самоиронии в голосе.

И тут Кирилл рассмеялся — низким, тёплым, ласковым голосом, и отчего-то мне стало спокойнее. Хотя ситуация абсолютно ненормальная!

— Алёна, — начал он, но я перебила:

— Нет, нет, давайте без «Алёна, это сложно объяснить». Я уже поняла, что тут все говорят загадками, а если кто-то и пытается быть честным, то сразу получает подзатыльник, и начинаются хмыканья и только гляделки. Так что вы мне сейчас честно рассказываете, что здесь происходит, а я покажу, что мне нужно передать этой самой Марфе.

Григорий переглянулся с Кириллом, и в этом взгляде было столько невысказанного, что мне захотелось схватить своё одеяло и убежать обратно в спальню. Но вместо этого я сжала амулет в руке, от чего он стал ещё горячее, будто живой.

— Опасность есть, — признал Григорий. — Но не там, где ты думаешь.

— О, отлично. Теперь я знаю ровно на ноль больше, чем раньше, — почему-то завелась я ещё сильнее.

Кирилл хмыкнул, сидя рядом на стуле, точно так же, как и Григорий буквально минуту назад. И так мне захотелось его треснуть чем-то! Развернулась к этому мужчине и замерла, пойманная его взглядом, в глубине которого плясали смешинки.

— Чур не драться! — Кирилл поднял обе руки вверх и растянул губы в улыбке.

— Я и не... — начала говорить, но Кирилл склонил голову чуть набок, будто мысленно спрашивая: «Правда?»

Григорий же громко закашлял, снова вырывая нас из какого-то странного общения, которое я всё не могу понять!

— Алёнушка, ты пойми, мы не привыкли раскрывать все тайны за один вечер. Особенно если гость ещё не допил свой чай, — и он кивнул на кружку, что стояла возле меня.

Чай. Точно. Я даже не заметила, как передо мной появилась чашка с ароматным напитком — пахло травами, мёдом и чем-то неуловимо родным. Сделала глоток и вдруг поняла: несмотря на всю абсурдность происходящего, я не чувствую страха. Только любопытство. И странное ощущение, что я наконец-то оказалась там, где должна быть. Будто сейчас откроется дверь и войдёт дедушка, насвистывая незамысловатый мотив под нос...

Мотив... дедушка... Я подняла взгляд на Григория, который внимательно следил за мной, и замерла.

— Та-а-ак, а вы знали Захара Лесничего? — сказала я вслух, ставя чашку на стол и внимательно следя за реакцией Григория.

— Знал, — чётко ответил Григорий, но в его взгляде мелькнула боль, что слишком сильно отозвалась и во мне.

— Тогда давайте по порядку! — строго сказала я. — Что именно мне нужно знать прямо сейчас? И можно ли это уместить в три предложения без намёков и запугиваний тьмой, медвежьей кровью и так далее по списку?

— Вот это мне нравится! Вот это настоящая внучка Лесничего! — довольно засмеялся Григорий. — Прямота и чёткий план. Кирилл, ты нашёл себе достойную пару!

Я уже открыла рот, чтобы съязвить, но тут мне дошло, что сказал Григорий, и я замерла.

— Кого-кого нашёл Кирилл?

Глава 7

Я уставилась на Кирилла, а он, будто чувствуя моё смятение и странное предвкушение в груди, улыбнулся.

— И? — попыталась подтолкнуть я его к ответу, но Кирилл только вопросительно приподнял бровь.

Перевожу взгляд на Григория. Этот странный старик довольно улыбается и, будто не замечая моего возмущения, тянется к чайнику. Неторопливо наливает себе ещё ароматного напитка, делает глоток, зажмуривается от удовольствия — и только потом соизволяет заговорить.

— Сильна, — довольно протягивает он, смотря мне прямо в глаза.

— Какую пару нашёл Кирилл? Я вроде в отряд двенадцати месяцев не записывалась? — спрашиваю серьёзно, но почему-то в голове эта фраза звучала более дерзко.

— А это был камень в твой огород, племянничек! — захохотал Григорий.

Я даже не заметила — только почувствовала, как Кирилл поднялся со своего места. Через мгновение услышала, как он подбрасывает поленья в камин.

— Слушайте, я вообще ничего не понимаю, — решаю пойти с другой стороны.

Если с дедушкиными историями всё было просто — он любил говорить загадками, а я просто слушала, даже не стараясь разгадать что-то, — то здесь во мне просыпается что-то странное, рисующее непонятные картинки.

— Ну что ж, Алёна, — начинает Григорий, устраиваясь поудобнее на стуле, — раз ты требуешь прямоты, расскажу тебе одну историю. Только учти: это всего лишь легенда. Старинная. Из тех, что передаются от деда к внуку, от хранителя к хранителю. Хотя, если ты внучка Лесничего, должна была их слышать, — и одна его кустистая седая бровь ползёт вверх.

Я устраиваюсь поудобнее, подтягиваю колени к груди и укутываюсь в одеяло ещё плотнее. Амулет тёплым комочком лежит в ладони, словно маленький живой уголёк. Надеюсь, мой взгляд ясно показывает: я не отвечу, пока не услышу ответы на свои вопросы. Да, дедушка рассказывал мне много всего, но к такому точно не готовил!

— Давным-давно, когда леса были гуще, а луна светила ярче, жили на этих землях берендеи, — начинает Григорий и устремляет взгляд в окно. За стеклом уже темно, лишь холодный лунный свет озаряет поляну перед домом. — Не люди и не звери — а что-то среднее. Сила их была в единении с природой, в умении слышать шёпот деревьев и голос ветра. Они знали тайны трав, умели разговаривать с духами тайги и... превращаться.

— Да-да, — не выдерживаю я. — Берендеи могли оборачиваться зверями, но не теряли при этом человеческого разума. Они защищали лес от всякой нечисти, а лес защищал их. Я знаю эти истории — дедушка часто рассказывал их в детстве. И то, что они были медведями, тоже знаю, — добавляю я, но голос звучит так, будто я открыто заявляю: «Я в это не верю!»

Григорий улыбается — медленно, почти лениво, но в этой улыбке есть что-то, отчего мурашки бегут по рукам. Я действительно не верю. Правда же? Наверное, из-за этих историй мне медведи и мерещатся везде: то чёрные и страшные, то бурые и... красивые.

Оглядываюсь и смотрю на Кирилла. Он сидит прямо на полу у камина и смотрит на огонь. Стоит мне взглянуть на него, как он тут же отвечает мне взглядом — и снова его глаза загораются обжигающим янтарём.

— Почему сразу медведями?! — вроде бы возмущается Григорий, но в голосе явно слышится улыбка. — В тех, кто был им ближе всего. В тех, кого они почитали как братьев. В тех, чья сила текла в их крови.

— То есть в медведей, — выпаливаю я, словно получая личное подтверждение своим догадкам.

— Ох и упёртая ты, — хохочет он. — Но это хорошо. Значит, точно справишься со всем. Легенда говорит, что берендеи могли принимать облик любого зверя, который был им по духу близок. Но главное — они хранили баланс. Между миром людей и миром духов. Между светом и тьмой.

Я слглатываю, чувствуя, как внутри разгорается странное, почти болезненное любопытство.

— И что с ними случилось? Почему их больше нет? — спрашиваю я, вспоминая дедушкины рассказы о потерянном народе, утраченной силе и нарушенном равновесии.

— А кто сказал, что их больше нет? — Григорий наклоняется ближе, и голос его становится тише, словно он делится секретом, который нельзя произносить громко. — Они ушли в тень. Спрятались. Потому что мир изменился. Люди перестали верить в чудеса, а чудеса перестали доверять людям. Но кровь берендеев всё ещё течёт в некоторых... избранных.

Слышу, как Кирилл за спиной протяжно вздыхает и поднимается. Ненормально, что я так остро ощущаю мужчину, которого знаю всего несколько часов.

Он подходит и снова садится на стул рядом со мной. И мне сразу становится... тепло.

— То есть вы хотите сказать, что... — начинаю я, пытаюсь отвлечься от странных ощущений, но Григорий не даёт закончить.

— Что мир не так прост, как кажется, — перебивает он. — Что за каждым деревом может скрываться тайна, а за каждым взглядом — сила. И что иногда судьба сводит тех, кому суждено быть вместе, даже если они сами этого ещё не понимают.

Фыркаю, пытаюсь скрыть волнение за привычным сарказмом:

— Так я, выходит, пара для Кирилла в его спасательной операции? А Марфа, бабушка и вы? Группа поддержки?

Григорий снова хохочет так, что даже окна дрожат. Им смешно, а мне нет! Я вообще не понимаю, что делать и куда бежать. Почему нельзя просто сказать: «Вот тебе зуб, пойдёшь в полночь в тёмную рощу, станцуй там гольшом — и будет всем счастье!»

«Ой, Алёна, уймись! Слишком разыгралась фантазия», — думаю я.

— И то и другое. Или ни то ни другое. Всё зависит от того, как ты сама это увидишь, — довольно отвечает Григорий.

— Замечательно, — закатываю глаза. — Значит, никаких чётких ответов. Только загадки, амулеты и Марфа, которая... А где она, кстати?

— Зато интересно, правда? — подмигивает Григорий. — А к Марфе тебя отвезёт Декабрь. Вот отдохнёте — и отвезёт. Ты же устала уже.

Почему его слова звучат не как вопрос?

— Я не... — возмущаюсь я, но договорить не успеваю — рот растягивает зевок. — Простите, — закрываю рот рукой, и стараясь не дать глазам закрыться, всё же задаю ещё один вопрос: — Допустим, я верю. Хотя, конечно, это полный бред. Но если берендеи действительно существовали, то что им нужно сейчас? Почему именно я?

— Потому что тьма приближается. И те, кто хранит баланс, должны пробудиться, — совершенно спокойно отвечает Григорий, поднимаясь из-за стола. — Но это уже другая история... для другого вечера.

Пытаюсь встать, но ничего не выходит — меня начинает заваливать на бок. Кирилл ловко подхватывает меня, будто только и ждал этого. Странно, но я замечаю его неодобрительный взгляд в сторону Григория.

— Отдыхай, Алёнушка, но помни, — он смотрит мне прямо в глаза, и на мгновение мне кажется, что его зрачки удлиняются, становятся вертикальными. — Иногда самое странное — самое правдивое. А самое страшное — самое необходимое.

И меня утягивает в странную тёплую темноту.

Глава 8

Я смотрю, как Алёна погружается в сон, и пытаюсь убедить своего медведя не сворачивать голову родственнику. Прижимаю Алёну к себе покрепче и несусь к дивану, что стоит здесь же. В комнате будет холодно для неё сегодня, а здесь горит камин.

Её дыхание стало ровным, а лицо расслабилось — даже во сне она выглядела упрямой, но невероятно красивой!

Улыбаюсь сам себе и мысленно соглашаюсь с тем, что, ну да, такая точно не сдастся без боя.

Дядька, конечно, мастер нагнетать атмосферу. «Иногда самое странное — самое правдивое», — передразнил я его про себя, осторожно укладывая Алёну на диван. Одеядло само собой обернулось вокруг неё, будто живое, а амулет в её ладони слабо засветился — то ли от тепла, то ли от чего-то ещё. И то и другое не утешает, но ведь я понимал: раз тайга волнуется уже не один год, то скоро должно что-то произойти!

— Ну что, племянник, — протянул дядя, по-кошачьи растягиваясь на стуле. Хотя не кошак он, а хитрожопый лис! — Вижу, ты уже прикипел.

Я бросил на него взгляд, который, надеюсь, ясно дал ему понять, что ждёт его, если не утомонится. Но Григорий только хмыкнул.

— Молчишь? А глаза-то горят. Янтарём, — уж слишком доволью добавляет дядька.

— У тебя тоже, — буркнул я, поправляя подушку под головой Алёны. — Только ты не влюблённый, а просто старый интриган.

— О, так мы уже про любовь заговорили? — Его улыбка стала шире, а я еле сдержал себя, чтобы не зарычать от досады. — Я думал, ты будешь дольше отпираться.

— Я не... — начал я, но осёкся. Спорить с ним — всё равно что пытаться удержать воду в ладонях. Бесполезно.

— Ой, да ладно тебе, — махнул рукой Григорий. — Всё и так видно. Ты уже не один. И это не только про зверя внутри. Хотя вот он, конечно, дурной у тебя. Давно выгуливал?

Я промолчал. Ни на что отвечать не хочу, да и не собираюсь. Он прав, конечно. С тех пор как я нашёл Алёну в той искорёженной машине, всё изменилось. Не только вокруг — внутри меня. Зверь не рычал, не требовал крови, а... прислушивался. Как будто ждал, что она скажет, что сделает.

— Не буйный он, — наконец прислушиваюсь к зверю внутри и понимаю, что он сам готов ковриком растелиться рядом с девушкой, лишь бы дышать ею.

— Ну сейчас-то не буйный, — доволью кивнул Григорий и поднялся со стула. — А месяц назад такое чувство было, что вы не из города приехали, а из тёмных чащ вылезли с ним.

Я только хмыкнул на слова дяди и снова взглянул на Алёну.

— Она не готова, — наконец произнёс я, глядя на её спокойное лицо. — Слишком много всего сразу. Так не готовят людей.

— А когда будет готова? — Григорий подошёл к окну и уставился в темноту. — Тьма не ждёт. И те, кто её несёт, тоже не станут церемониться. Её должен был подготовить Захар. И если бы он привёз её сюда хотя бы раз, то мы бы уже давно знали, что она твоя истинная, и что-то придумали.

Мы оба замолчали, понимая, что нет сейчас ни правых, ни виноватых. Теперь нужно всё решать по мере поступления. Но и тянуть нельзя!

— Знаю, — тяжело вздыхаю на слова дядьки. — Но и пешкой её делать тоже не позволю! Это не игра уже, кто кого переборет!

— А здесь все пешки, Кирилл. Только некоторые становятся королями. Или королевами, — он обернулся, и в его глазах мелькнуло что-то неуловимо опасное, а зверь ошетинился внутри. — Она — одна из них. Из королев. И только её выбор решит всё.

Я сжал кулаки. Опять загадки. Опять намёки. Но спорить бесполезно — дядя всегда знает больше, чем говорит.

— Ладно, — вздохнул я. — Что дальше?

— Дальше? — Он ухмыльнулся. — Ты отвезёшь её к Марфе. А там... посмотрим, как карта ляжет. Хотя смотреть теперь только тебе, Декабрь. Только ты сможешь провести её сквозь всё.

— Ну что опять за загадки? — возмущаюсь я, подходя к столу. — И ты думаешь, она поедет? После всего, что услышала?

— Конечно, поедет, — уверенно ответил Григорий. — Потому что она уже верит. Даже если не понимает. И ты чувствуешь, что она верит.

Я снова посмотрел на Алёну. Её ресницы чуть дрогнули, будто она слышала наш разговор. Или видела что-то во сне. А я даже зубами заскрипел от желания узнать, что ей снится сейчас.

— Одна не поедет! — сказал я наконец.

— Пф, — довольно фыркнул дядька. — Я даже не сомневался! Только ты же помнишь, как наша Марфуша может рассказывать свои истории?

Вот вроде и спросил, а я вздрогнул вместе с медведем.

— Мне иногда кажется, что вас одна мать родила, — отвечаю Григорию и замечаю, как он кривится.

— Не нужно сравнивать меня и эту ведьму старую, — огрызнулся он, на что я только довольно улыбнулся.

Я тоже люблю подначивать его. И всегда знаю, с какой стороны подойти!

— Ладно, пошёл я, прогуляюсь что ли, — снова довольно потянулся и подмигнул мне дядька, подходя к двери и надевая тулуп. — Люблю нечисть гонять под луной.

— Ты сам нечисть, не забывай, — ответил в спину дядьке, зато получил ироничный взгляд и улыбку.

Он вышел, оставив меня наедине с Алёной. С ней и с моими мыслями. Я подошёл к дивану, сел рядом, взял её руку — тёплая, живая. Амулет под пальцами слегка пульсировал, будто биение сердца.

«Не бойся, — подумал я, не решаясь сказать вслух. — Я не дам тебе упасть. Даже если придётся сразиться со всем миром. И с самим собой».

И вот последнее пугало больше всего. Григорий прав в одном. Мой медведь дуреет от тьмы. Он становится агрессивным, и я начинаю терять его. А если потерять связь со зверем, когда ты в его облике, велик шанс не вернуться обратно. И эти твари, которые настоящая нечисть, знают, куда бить, чтобы весь наш род извести.

Но теперь... Я не имею права оступить! Теперь я не один!

Глава 9

Дорога извивается по тоннелю из деревьев и снега. Природа будто выдохнула вчера всю бурю и сегодня отдыхает. Мороз такой, что дышать страшно, если рот не закрыт шарфом.

Кирилл, он же Декабрь, ведёт машину уверенно — так, будто знает здесь не только каждый куст, но и каждую ямку и кочку. И чем дальше мы проезжаем в лес, тем громче звенит какой-то странный колокольчик внутри меня, будто предупреждая: нужно быть готовой ко всему.

Сегодня утром, когда я открыла глаза и увидела спящего рядом Кирилла, даже не сразу сообразила, что происходит. Он сидел на полу, откинув голову на край дивана, а руки сложил на согнутые колени — будто только-только закрыл глаза и вот сейчас осмотрит на меня своим странным, мерцающим взглядом.

А может, мне это всё приснилось? Может, и дяди его не было, а я просто слишком сильно ударила головой? И эти странные разговоры — всего лишь последствия того, что я устала, попала в аварию и мне привиделся медведь.

Но стоило мне разжать ладонь, как амулет в виде медвежьего клыка выпал из неё. Тяжёлый вздох сорвался сам собой, когда мозг чётко обозначил: ничего мне не привиделось.

— Ты снова задумалась, — голос Декабря мягко наполнил салон машины, и я не смогла сдержать улыбку.

— Что меня ждёт у этой Марфы? — задала я вопрос, который мучил меня с самого отъезда. Мы с Кириллом почти не разговаривали.

И как бы это дико ни звучало, мне было комфортно с ним молчать. Будто это самое правильное, что может быть, пока он делал завтрак и что-то печатал в своём ноутбуке.

— Я не знаю, Алён, — пожимает плечами Кирилл, но я замечаю, как он напрягся. — Никто и никогда не знает, что она будет говорить.

— Она что, какой-то экстрасенс? — сощурилась я, пытаюсь выпытать хотя бы какую-то информацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.